
ОБЩНОСТЬ ПОЭЗИИ А. БЛОКА И В. ТЕРЯНА

З. А. ОГАНЯН

Творческая деятельность Александра Блока и Ваана Теряна протекала в одно и то же время (Терян начал печатать стихи лишь на пять лет позже Блока). Это было время поражения революции 1905 года и последовавших затем годов реакции и первой мировой войны. В сложном и противоречивом творчестве поэтов отразились, по-своему преломленные, общественные явления этой бурной, переходной эпохи. Оба поэта были свидетелями крупных исторических сдвигов этого времени. Путь Блока был, по верному определению самого поэта, путем «среди революций». Путь Теряна был отмечен еще и чудовищной трагедией армянского народа.

Оба поэта прекрасно выразили владевшее ими тогда чувство тревоги накануне очистительной бури Великого Октября. У поэтов-патриотов, выступавших со страстным отрицанием старого мира, не было иного пути, чем путь с народом. Следовательно, при всей их противоположности, в судьбах этих двух поэтов-современников много общего. Несомненна и внутренняя общность поэзии Блока и Теряна. Эта общность—в особой поэтической изысканности, урбанистических тенденциях, бесконечных вариациях о грезе и мечте, тоске и смерти. Каждый из них последовательно строил здание своей лирики, неповторимое по далеко не случайному сочетанию тем, сложной, но стройной системе образов и стихотворных размеров, красок и звуков.

Терян, свободно владевший русским языком, несомненно, хорошо знал поэзию Блока; в письмах к А. Мискарян он запросто пользовался образами русского поэта¹. О возможном влиянии на творчество Теряна поэзии Блока наряду с лирикой Дуряна и Исаакяна, Верлена и Бодлера, Брюсова, Сологуба, Бальмонта и Балтрушайтиса писал литературовед Ов. Ганалаян, отмечая, что, подобно русским символистам, Терян определял свои стихи как стон, исторгнутый из души, плач, льющийся из нее слеза за слезой².

Равно неустроенные лирические герои Блока и Теряна, равно неуютно чувствующие себя в этом мире, до предела одинокие каким-то высшим одиночеством избранников, предельно ранимые и подчас смущаю-

¹ «Раз мелькнуло у меня: вот вдруг я получу от нее, от этой удивительной Незнакомки письмо!» (Ваан Терян, Неизданные письма, Ереван, 1970, стр. 122).

² Հ. Զ. Ղափաշյանի, Տերյանի գրած գրական ազդեցությունը, հորհրդային գրականություն, 1937, № 8—9, стр. 122—142.

ище какой-то обнаженностью чувств — они счастливы. Счастливы избытком печали своей, счастливы богатством открывшихся им грез, умением любить и страдать, постигать красоту мира. Отсюда в творчестве обоих поэтов неожиданные, ликующие звуки, оптимистическая вера — утверждение жизни, ее счастливого завтра, торжества свободы. И хотя таких проблесков не так уж много, они запоминаются и победно прорывают общую канву туманной прусты.

У Теряна значительно меньше, чем у Блока, экзотических аксессуаров, осложненных образов, но налицо все то, что составляет сущность лирического героя русского поэта.

Поэт у Блока в изгнании и сомнении прославляет обитель мира — обитель страха и молчания «в чаду убийства и войны» (какой странный, беспощадный жребий!), но этот одинокий сын земли, гость случайный, усталый, путник запоздалый неустанно ловит внутренним слухом «далекый зов другой души». Эти два мотива, — одиночества и поисков родственной души, — то отчуждаясь, то вновь сплетаясь, проходят через всю лирику Блока.

У Теряна еще сильнее, еще острее, с какой-то самозабвенной полнотой звучит мотив одиночества, точно так же сплетаясь с мотивом поисков друга, неведомого страдающего брата. Эти поиски то сужаются до поисков женщины, той единственной, которая незримо присутствует во всем, то расширяются и восходят к далеким и неведомым друзьям, насильственно с ним разлученным, томящимся на чужбине или в неволе.

В беспросветной тьме больная, тоскующая, одинокая душа поэта, подобная заблудившемуся в неизвестных морях кораблю, с грузом похороненных в сердце звездных грез идет неведомо куда и ищет кого-то, даже не надеясь найти. И это душевное состояние от стихотворения к стихотворению обрастает деталями, подробностями, взятыми не извне, а извлеченными опять-таки из внутреннего состояния лирического героя, богатейшей кладовой его чувств. Прекрасно ищет Терян и об одиночестве вдвоем, сладостно тоскливом и безнадежном.

Можно долго говорить о многоликости женских символов Блока. У Теряна нет этой множественности; лишь проходит через всю лирику женщина-призрак, женщина-мечта, женщина-тайна. Это общее женское начало присутствует во всем творчестве поэтов, воплотив в себе черты женщины как таковой, чуждой как обыденности и банальности, так и конкретности.

Она «всегда светла, но непонятна», «вся явь, но как обрывок сна». И даже когда Блок утверждает: «Я любил твое белое платье, утонченность мечты разлюбив» — сама эта встреча, вечерний туман, залив, камыши на берегу так же пререальны, как и чертоги Девы. Насколько реальнее выражают состояние поэта хотя бы такие строки:

*Я примчуся вечерней порою,
В упоении мечту обниму³.*

³ А. Блок, Соч., т. I, М., 1955, стр. 43 (далее страница указывается в тексте).

Или:

*Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман*

(стр. 70)

Как откровение подает поэт самый заветный образ, до самых потаенных глубин обнажая свою душу, однако слагаемые образа не становятся виднее, лишь через правду чувства проникает в тебя вся боль, вся красота, вся невозможность утраты... ее неизбежность.

Та же роль, на наш взгляд, отводится женщине в поэзии Таряна. Она и самое реальное, и самое неуловимое в жизни, дающее силу и крылья, и одновременно—самое уязвимое. Она, дочь неведомой страны, живет в душе поэта подобно молитве, с виноватыми, загадочными глазами, царица ночей, явившаяся неизвестно откуда и зовущая весенними словами, с больными звуками тихих речей, девственно-стыдливыми или, напротив, неистовыми ласками, бесконечно воспетыми поэтом удивительными руками и пальцами. И к кому, как не к женщине, обращена молитва поэта:

Դո՛ւ իմ հա՛վառ, իմ հա՛յրենիք,
Դո՛ւ իմ փրկութ՛յուն՝

Равноценно признанию Блока («В упоеньи мечту обниму») признание Таряна:

Ես սիրում եմ երազ ու քաղցեր. —
Ես իմ սերն եմ սիրում

(стр. 160).

У обоих поэтов женщина-призрак тянет их в прошлое, к неотчетливым воспоминаниям. И невозможное становится возможным, выдуманное—до ужаса реальным, пригрезившееся—былью.

Много общего можно найти и в чувстве родины обоих поэтов. Нищую, пьяную Русь воспевал Блок, и в его любви к ней столько страдания, столько ненависти, столько боли за то уродливое, больное, что приходится ему ежедневно видеть в родной стране. В любви Таряна к родине тоже много горечи и боли. В этой любви слышится извечная песня-стенание пандухта, и плач по разрушенной родной земле, и стремление быть всегда с ней, сопереживать с нею вместе. Сам Тарян признается, что эту старую горькую пеоню не поймет чужестранец, не поймет холодная иностранка. Они не поймут и страданий поэта под чужим небом.

Лирический герой Таряна стремится домой, к родным горам, к древним камням и избам, как бы дремлющим в страхе, он хочет вернуться, чтобы вновь слышать старые песни и плакать в лад песне... Полное отсутствие трескучего патриотизма, национального хвастовства определяет отношение поэтов к родной стране. Сколько глубины и чувства в этих строках (из стихотворений разных лет):

⁴ Չ. Տ Ե Ր Ղ Մ Ե, Երկեր, Երկուն, стр. 169 (далее страница указывается в тексте).

Դու հպարտ չես, իմ հայրենիք,
Տրամում ես դու և հմաստուն
(стр. 291)

Մեր տունը որք ու ավեր է...
Բարակ գանգակի գարկը
Լալիս է երկրիս գավերը
(стр. 299)

Երկիր նաիրի, երազ հեռավոր,
Քնած ես ինքու՞րազուհու նրման
(стр. 309)

Вспомним блоковское:

*Ты и во сне необычайна,
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю—и за дремотой тайна,
И в тайне—ты почиешь, Русь*
(стр. 181)

В строках о родине драматизм, которым насыщено творчество Блока и Тереяна, сгущается, становится настолько реальным и конкретным, что чувство к родине трогает подчас сильнее и глубже всех остальных эмоций поэтов, с большой силой выраженных в их лирике.

Русь, опоясанная реками, окруженная лесами, дебрями и болотами, пребывающая в нищете, в локутах лохмотьев, с горящими селами и буйными вьюгами, с бескрайними просторами и разноликими народами, со звенящей тоской острожной глухой песней ямщика. И Армения, окруженная и разделенная горами, постоянная арена битв и разрушений, юдоль скорби и смерти, с вечной, песней-стоном. Непохожие страны, различные судьбы. Но обилие горя, нищеты, неустроенность — общие. И сходно отношение к ним поэтов-патриотов, отмеченное остротой проникновения в покров тайны, окружающей родину, и умением понять как поэтическое, так и трагическое в этой тайне.

И Блок, и Тереян в основном поэты-урбанисты. Город как фон выступает во многих их произведениях. Но подчас образ города становится главным в стихотворении, обрастая все новыми характерными чертами и деталями. Для обоих поэтов есть что-то страшное в этом символе, всемогущем, всевидящем и бездушном.

У Блока образ тревожного города, который слит с мерцающим светом фонарей, чаще всего принимает черты Петербурга, воспетого поэтом с огромной любовью и почти неотделимой от нее болью. Город Петра с его статуями, застывшей Невой, с колоколами церквей, лунными улицами полон толпы, полон голосов «мужских—крикливых, женских—струнных». Фабрики... Рестораны... Снежные сумерки... Железная дорога... Шторы и свет в окнах... И наконец, классически совершенное и лаконичное «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека»...

Четкие импрессионистические мазки вырисовывают облик города, звуковые ассоциации и цветовые пятна сменяют друг друга, создают незавершенный, но врезающийся в память образ. Образ города Александра Блока.

В урбанистических стихах Блока, таких, как «Фабрика», «Железная дорога», наиболее ясно звучат и социальные мотивы.

Образ города-спрута, города-чудовища возникает и в поэзии Теряна. Но именно в недрах этого жуткого города рождается ярость народных масс, возникает красный символ мести. Этот образ в какой-то степени перекликается с жутким образом города, созданным другим ярким представителем русского символизма Валерием Брюсовым. Коварным змеем, гнущим спины угрюмых рабов, называет поэт город. Но «в порыве ярости слепой» он сам поднимает над собой «кубок с волшебным ядом» в те страшные мгновенья, когда в разукрашенных залах «хохочет огненный разврат, и нежно пенится в бокалах мгновений сладострастных яд». То же гневное обличение и мрачное пророчество в строках Теряна:

Քաղաքներ, իմ հոգին ձեր վիհում արկվո՞ծ...
Քաղաքներ, զարթնում է ահավոր մի ցաւում
(стр. 96)

Или:

Դու. կույր, պահում ես մի ահեղ ցիկլոն...
Դու, խենթ, սնում ես մի պայծառ վիշապ...
Քո խնչույցները լսիր՞ բառում—
Ալ-ուրվախանն իր դաշույնն է սրում
(стр. 97)

Здесь четкое осознание поэтом классового расслоения и той силы, которая рождается в недрах города и точит свое оружие против сотворившего его класса. И несмотря на то, что приведенные строки обильно уснащены символами, основная мысль о возникновении противоположной силы прочитывается точно и недвусмысленно.

Но урбанизм обоих поэтов далеко не ограничивается упоминанием (пусть частым) некоего конкретного или символического города. Во всех, даже самых интимных стихотворениях (если, конечно, фоном не является природа), за стеной комнаты, за окнами домика, непосредственно за узким мирком, в котором уединился лирический герой, чувствуется биение пульса большого города, города осеннего или весеннего, чаще ночного, звездного или с ветром и вьюгой, всегда настороженного, всегда враждебного личности, тем более личности с такой тонкой душой, как у лирических героев Блока и Теряна. И этот город то заставляет их еще надежнее укрыться от его вторжения, то слиться с городской толпой, идти через весь город, выйти за его пределы. И здесь начинаются истоки другого мотива в творчестве обоих поэтов — мотива странствий, бродяжничества, добровольного или вынужденного изгнан-

ничества. Лирический герой в поэзии Блока и Тереяна бежит от своего одиночества, но, оказавшись под чужими небесами, в неизвестной стране, он лишь сильнее ощущает его. Часто это заблудившийся путник. Оторванность от родного неба и земли усугубляет его одиночество, рождает новое качество в характере лирического героя, резко усиливая индивидуализм самовыражения. Покидая чуждую ему среду, людскую толпу, герой сам становится чужим для всех и с новой силой жаждет новых скитаний. Неприкаянная, своего рода «неусидчивость» героя дает новую пищу для его исканий и стремлений, по-новому освещает его мечту.

Интересно проследить цветовые ассоциации в поэзии Блока и Тереяна. Цвет, мир красок — это те средства, с которыми поэт обращается свободнее всего, выражая созвучную в данный момент его переживаниям, его восприятиям тональность. Ар. Григорян в книге «Поэзия Египта Чаренца» подробно анализирует общность трехцветного спектра (золотой, лилово-синий, голубой) Блока и Чаренца. Не отрицая преобладания этих цветов у Блока и лишь добавив к ним также излюбленные русским поэтом черный, красный и белый (причем белый всех оттенков — от бледно-белого до локально-белого), мы хотим подчеркнуть у Блока и Тереяна несколько иную цветовую общность. У Тереяна можно проследить тот же спектр с преобладанием золотого и серебристого цветов, но в данном случае речь пойдет не об использовании цвета как такового.

Нас интересует другое: неожиданность цвета. Цвет у Блока и Тереяна потому и запоминается, что это не просто необходимое использование образов окружающего мира в их красочности, а постоянное художественное осмысление их. Нет сомнения в том, что цвет в таком использовании несет и известную философскую нагрузку. Чаще всего цвета знаменательны не сами по себе, а в их противопоставлении или сочетании. Причем противопоставляться могут совсем не контрастные цвета (например, белый и бледно-белый), а сочетаться — взаимно исключаящие. (Эпитет бледный у Блока часто означает цвет, один из оттенков белого, точно так же, как и восковой).

Цвета, поражающие своей неожиданностью, в стихотворении «В ресторане».

...пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

И затем:

Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, ай.

(стр. 351—352)

Есть что-то жуткое и роковое в этом цветовом пиршестве, что-то ослепляющее и гибельное. «Переливчатые краски и слова» (образ са-

мого Блока) рождают тревогу, запоминаются и долго еще волнуют своей необычностью.

«Зарево белое, желтое, красное», белые исчезнувшие птицы, «бело-красный наряд» Арлекина... Каждый из этих образов сам по себе уже достаточно ярок. Но когда в одном и том же стихотворении уживаются золотые и красные маки, голубые химеры, золотая девичья коса, черный сон, то для этого действительно нужна естественность видения мира в такой непривычной окраске. Цвет у Блока удивительно включает в музыкальную интонацию стиха и помогает созданию определенного ритма. Вспомним хотя бы знаменитое начало «Двенадцати»:

Черный вечер. Белый снег.

Во многих стихах можно видеть ритмичное чередование цветовых соотношений в образах: черный человек — медленный, белый рассвет — желтые полоски фонарей — бледный город. И в этом сочетании есть что-то медленное, тягучее, печальное, взаимопроникающее, несмотря на богатую гамму цветов.

Совершенно иную, сбивчивую музыкальную тональность создает сочетание: зеленый луг — месяц холодный стоит «зеленым серпом в синеве». Если название цвета употребляется в своем прямом обозначении, то оно часто повторяется, создавая этой акцентировкой эффект какой-то углубленности, лучевой распространенности цвета.

*Голубой, голубой небосвод,
Голубая спокойная твердь.*

(стр. 89)

Цли:

*Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.*

(стр. 114)

Элемент сказочности, то поэтически прекрасной, то пугающей, создают сочетания красного с другими тонами.

*Я был весь в пестрых лохмотьях,
Белый, красный, в безобразной маске.*

(стр. 87)

Встанет красный паяц на юру.

(стр. 113)

В глазах ее красно-голубые пятна.

(стр. 108)

И каждый цвет Блока пронизывает током, как яркий свет в темноте. Разгадка этого явления, повторяем, в неожиданности использования самого обычного цвета, ибо цвет для Блока — одно из универсальных средств выражения мысли.

Ту же тенденцию можно наблюдать в поэзии Тарьяна. Из стихотворения в стихотворение переходят стойкие символы: черная ночь — черные глаза — белое девичье платье. Но повторение не нивелирует эти об-

разы; они лишь подчеркивают другие. Вот явившаяся неведомо откуда женщина-призрак, зовущая «գարնան խորերով կարմիր ու կանաչ»; в мрачной ночи вспыхивает золотая свеча; любимую женщину (или мечту?) называет поэт черной лилией, серебристым сном. И то же нагнетание, усиление цвета путем повторений: կապույտ լույսեր—կապույտ ծածկոց, հայացք ոսկեհոր—ոսկի հայացք.

Большую определенность сообщает Терян красному цвету. Это цвет революции, символ прямой и непосредственный. Красный призрак, точащий оружие, красное знамя — выделяются из общей сине-золотой-серебристой тональности и воплощают идею революционного ниспровержения существующего строя.

Особенно часто в лирике Теряна употребляется *золотой* цвет. Вспомним, что целые циклы поэт назвал золотой сказкой, золотой цепью. Конечно, определение золотой означает в данном случае не только цвет, но и содержание, но эти значения в данном случае взаимопроникают, создают своеобразное единство.

Серебристые вершины гор, серебристо-журчащий родник, серебристый ручей, чарующий золотистый мир, золотистые звезды, синеокие грезы, синяя мгла, серебристые вершины, золотое пламя в груди, золотой дождь, золотая сказка (часто повторяющийся образ), серебристые слова, синяя страна, синяя даль, ~~золотистая~~ ~~даль~~, зеленый ручей, золотая рамка, золотой, золотой туман—розовый туман — вся лирика Теряна как бы прошита этим серебристо-золотым узором, но всякий раз образ воспринимается по-новому, потому что по-новому звучит в разном контексте.

И у Блока, и у Теряна порой прорываются мотивы непротивленчества, какой-то сознательной приниженности. Но в этой библейской кратости чувствуется не то чтобы неискренность, но какое-то иносказание, даже своеобразная форма протеста.

В «Голосе из хора» наугадный своими же мрачными пророчествами А. Блок призывает:

*Будьте ж довольны жизнью своей.
Тише воды, ниже травы.*

(стр. 354)

Что это? Страх перед будущим? Или предельный пессимизм? Отражение одной из многочисленных внутренних драм поэта? Горькое сознание своего беспилия? Скорее это тонкая проницающая протест, осуждение царящей лжи, жестокости, лицемерия.

Тот же оттенок принимают призывы В. Теряна к пассивности и молитвам, к религиозному непротивленчеству (и это после призывов к борьбе, организованной, сплоченной борьбе!):

*Լինենք խաղաղ. սեղմ աղորենք,
Գուցե բազմի լուսե հրաշք...*

*Յոհնենք բարոն հնչ է ու գա
Եւ բնդունենք սրտով հոծար*

(стр. 213)

И наряду с этими строками — такой брызжущий здоровьем оптимизм, такие весенние, радостные мотивы, приятие жизни во всех ее проявлениях, что веришь не смиренню и покорности, а безмерной жажде жизни.

Интересно, что у обоих поэтов это лиричество чувств связано с образом весны, несущей вечное обновление, вечное возрождение. В стихотворении «О, весна без конца и без краю...» Блок приветствует звоном щита удачу и неудачу, смех и слезы, принимает жизнь «за мученья, за гибель» с ненавистью, проклятием и любовью. И сколько непритворной страстности, сколько чувственной радости в этом замечательном стихотворении Блока.

То же обновление жизни приветствует и благословляет В. Терян в стихотворении «В весеннем городе», принимая все контрастные проявления бытия:

Օրհնություն՝ քեզ, ե՛րգ և երա՛գ և սե՛ր,
 Օրհնություն՝ քեզ, կլա՛նք ահու՛շ և ահնուն.
 Օրհնություն՝ և քե՛զ, տանջանքի գիշեր,
 եվ երկունք և մահ—փա՛նք և օրհնություն...
 (стр. 171)

Уменье страстно любить и ненавидеть, восторгаться и презирать, смеяться и плакать привело обоих поэтов к правильному восприятию крупнейших коллизий своей эпохи, величайшего столкновения двух сил, обусловило их нелегкий, но неизбежный путь в революцию.

В предисловии к «Неизданным письмам» Нвард Терян отмечает еще одну общность в творчестве двух поэтов. Это чувство пути. И Блок, и Терян говорили об этом чувстве как мере величия и значимости поэтов, презирая тех из них, кто, не желая пути, хочет видеть лишь достижение. Н. Терян считает явлением далеко не случайным обращение обоих современников к проблеме пути. Этот вопрос стоял на повестке дня, и оба поэта не могли отнестись к нему безразлично.

Можно бесконечно дробить и мельчить общность двух поэтов так же, как их различие. Но несомненным остается удивительное сходство такого явления, как Блок в России, с таким явлением, как Терян в армянской действительности. Только как целостное явление каждый из них подобен другому и вместе с тем настолько же неповторим, как и значителен для отечественной поэзии.

Ա. ԲԼՈՎԻ ԵՎ Վ. ՏԵՐՅԱՆԻ ՊՈՆԶԻԱՅԻ ԸՆԴՀԱՆՐՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ձ. Ա. ՕՀԱՆՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Ալեքսանդր Բլոկի և Վահան Տերյանի ստեղծագործության ընդհանրությունը չընդունելը անհնարին է: Նրանցից յուրաքանչյուրը երևույթ դարձավ գրականություն մեջ, ստեղծելով իր անկրկնելի յիրիկան, կերպարների, հրեշտակների և դույնների բարդ, բայց խորին մտածված սիստեմը: Այդ երկու բա-

նաստեղծների հիմնական տարերքն է զգացմունքների աշխարհը, զգացմունքների լեզուն իր բոլոր ելևէջներով: Շատ ընդհանուր գծեր ունեն Բլոկի և Տերյանի լիրիկական հերոսները՝ շատ միայնակ այս աշխարհում, բայց միաժամանակ երջանիկ, որովհետև նրանք կարողանում են խորը սիրել և տանջվել, որովհետև նրանք օժտված են գեղեցիկի արտասովոր զգացումով:

Կնոջ կերպարը ներկա է Բլոկի և Տերյանի ամբողջ ստեղծագործության մեջ որպես մի ուրվական, մի երազ, մի գաղտնիք և միաժամանակ՝ ռեալ սկիզբ:

Շատ ընդհանրություն կարելի է գտնել նաև ռուս և հայ բանաստեղծի հայրենասիրական մոտիվների մեջ, նրանց սիրո և ցավի մեջ հանդեպ հայրենի երկիրը:

Ուրբանիստական տենդենցները նույնպես մոտեցնում են նրանց պոեզիան, հագեցնելով այն սոցիալական մոտիվներով:

Խոսելով Բլոկի և Տերյանի գունային վարիացիաների մասին, անհրաժեշտ է շեշտել մի երևույթ՝ գույնի օգտագործումը անսպասելի կերպով:

Պասիվության, ինքնանսեմացման նրանց մոտիվներն ինչ-որ հեզնական երանգ ունեն, իսկ կյանքը դովերգող կենսուրախ բանաստեղծությունները լի են անկեղծությամբ: